

С.С. Качковский

*главный специалист Службы внутреннего аудита и контроля,
Государственное унитарное предприятие «Московский метрополитен
имени В.И. Ленина» (Москва)*

ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ (в продолжение дискуссии о социальных порядках В.М. Ефимова и С.Г. Кирдиной-Чэндлер)

Аннотация. Данная работа обязана своему появлению дискуссии между С.Г. Кирдиной-Чэндлер и В.М. Ефимовым, нашедшей отражение на страницах журнала в 2018–2020 гг. В статье предлагаются уточнения и пояснения к концепции монетарного социального порядка, предложенной В.М. Ефимовым, позволяющие с большей уверенностью говорить о реальном существовании такого порядка, а также отказаться от дополнительного понятия патронального социального порядка, применяемого им в отношении постсоветской России, с целью упрощения дальнейшей дискуссии и лучшей фокусировки на объекте исследования. Далее, с целью восполнения теоретического пробела в понимании механики воспроизводства денег и товаров в экономике при монетарном социальном порядке, приводится упрощенная модель воспроизводственного цикла, которая позволяет проследить источник склонности системы к перепроизводству долгов и другие важные системные недостатки, провоцирующие регулярные кризисные явления. Альтернативная монетарному социальному порядку концепция «суверенных денег» Й. Хубера, предлагаемая В.М. Ефимовым, которую действительно рассматривают в качестве таковой уже на правительственном уровне в ведущих странах Европы, позволяет теоретически устранить некоторые пороки современной монетарной системы, но обладает существенными недостатками главным образом из-за ее сосредоточенности на вопросах управления деньгами, а не вопросе власти и общественного развития в целом. Для всех заинтересованных в нормативной теории предлагается иное видение альтернативных путей развития денежной сферы и общественных отношений, а также ключевые проблемы, решение которых может способствовать реальной, а не фиктивной демократизации общества.

Ключевые слова: монетарный социальный порядок, суверенные деньги, свободные деньги, власть, разделение труда.

JEL: B40, B59, D63.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_23_34.

Важно отметить, что оба автора (В.М. Ефимов и С.Г. Кирдина-Чэндлер) недавно возникшей дискуссии о социальных порядках и подходах к научному исследованию вообще, согласны с «методологической традицией экономической дисциплины игнорировать деньги» [Ефимов, 2018. С. 7]. Развернутое и убедительное пояснение этого тезиса, выдвинутого В.М. Ефимовым, представлено С.Г. Кирдиной-Чэндлер в её статье [Кирдина-Чэндлер, 2019], и он не вызывает существенных и обоснованных возражений. Кроме того, авторы действительно возвращают нас в важное для исследователей междисциплинарных проблем русло политической экономии, всячески подчеркивая важность социальных институтов в анализе экономических вопросов.

Идея монетарного социального порядка имеет прочную связь с окружающей действительностью, и эта связь нуждается в более подробном описании. А представителям нормативной науки, несомненно, будет интересно рассмотреть признаки иных форм социальных порядков, равно как и недостатки предлагаемой Й. Хубером модели «суверенных денег», с которой многих читателей журнала познакомил В.М. Ефимов.

Уточнение к концепции монетарного социального порядка

Говоря о монетарном социальном порядке, как о «социальном порядке с безраздельной властью тех, кто производит и контролирует деньги (финансовые капиталисты), и тех, кто их использует для найма работников (промышленные капиталисты)» [Ефимов, 2018. С. 9], по-видимому, не стоит делать особых оговорок для постсоветской России, наделяя её социальный порядок эпитетом «патрональный», так как в России иного источника денег, помимо банков, не существует, а используют деньги в своей деятельности те же самые промышленные (и не только промышленные) капиталисты. Деньги производятся, контролируются и используются финансово-промышленными группами для осуществления собственной власти, а остальные черты, будь то большее или меньшее вовлечение административного аппарата, подкрепление этой власти искусной пропагандой и (или) откровенным насилием, представляются вторичными.

Существование монетарного социального порядка подтверждается объективными данными. Говоря о мировой экономике, стоит отметить исследование швейцарских экономистов и социологов во главе с Джеймсом Глаттфельдером и Стефано Баттистоном, которые выявили, что мировая структура собственности замыкается приблизительно на 147 компаний и группируется вокруг крупнейших инвестфондов и банков [Glattfelder, Battiston, 2019]. На интернет-сайтах фондовых бирж (например, NASDAQ) можно увидеть, кто держит акции крупнейших компаний мира из любых секторов со стороны институциональных инвесторов: это одни и те же группы фондов и инвестиционных банков, часто связанные друг с другом перекрестным владением акций. Наиболее выделяются в этих группах фонды, связанные с инвестиционными компаниями The Vanguard Group и BlackRock, Inc., в совокупности управляющие активами, стоимость которых в долларовом выражении находится приблизительно на уровне годового ВВП США или Китая.

В отношении России следует отметить следующие важные обстоятельства: по данным Минфина России, доля нефтегазовых доходов в доходах бюджета РФ в среднем за период 2014–2019 гг. составляла 43%¹, а в 2019 г. глава крупнейшей российской нефтегазовой компании и влиятельный политик И.И. Сечин заявил, что иностранный капитал (прежде всего США) получил контроль над алюминиевой, никелевой, медной, платиновой, палладиевой и другими сегментами российской промышленности, связанными с добычей и производством цветных и драгоценных металлов². Поскольку подавляющая часть указанных ресурсов имеет экспортную направленность, главным источником поступления денег в экономику РФ являются международные финансово-промышленные группы. А импортированными в обмен на ресурсы деньгами уже местные финансово-промышленные группы распоряжаются в пределах своей компетенции, в которую, похоже, не входит развитие местной промышленности. Так, износ основных фондов в экономике РФ составляет 50–70%^{3,4}, что означает полную неспособность наращивания капитала в будущем. В рамках монетарного социального порядка, по оценке Счетной Палаты РФ, потребуется свыше 4 трлн руб.⁵ только лишь для того, чтобы на время остановить стремительный износ

¹ Краткая информация об исполнении федерального бюджета [Электронный ресурс]: Официальный сайт МинФин России. minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g.

² США получили контроль над «Русалом» при помощи санкций, заявил Сечин. ria.ru/20190606/1555313757.html.

³ Анастасия Башкатова. Отечественная экономика наполовину изношена // Независимая газета. Счетная палата Российской Федерации. old.ach.gov.ru/press_center/publications-in-mass-media/31694?sphrase_id=12348459.

⁴ Сборник докладов, Международный форум по промышленной безопасности. conference.gce.ru/images/cms/data/archive/xiv_2016/sbornik_doc_2016.pdf.

⁵ Александр Трушин. Дело на 38 триллионов. www.kommersant.ru/doc/3566436.

и предотвратить чрезвычайные ситуации, подобные недавнему разливу нефтепродуктов на норильской ТЭЦ-3 (масштаб бедствия — федеральный). Эти факты усугубляют и без того колоссальную зависимость РФ от поступления валюты из-за границы.

Производство и контроль над деньгами есть монополия банковских институтов, а сами деньги (по крайней мере, в их современной форме), очевидно, имеют долговую природу, т.е. являются своего рода долговыми расписками, преимущественно электронными. Чтобы новые деньги появились в экономике, они должны быть сначала «произведены» банком в форме выдачи кредита. Контролирует ли банк заемщика? Да, поскольку невозврат долга («производство» которого, в сущности, ничего банку не стоило) влечет претензии банка в отношении имущества заемщика. Реализация таких претензий приводит к накоплению т.н. «непрофильных активов» у банков. Кредитные договоры на крупные суммы также часто включают требования к финансовым и операционным показателям деятельности заемщика, по которым заемщик должен регулярно отчитываться перед банком, и в этом смысле банк оказывает прямое влияние на управление бизнесом, т.к. несоблюдение этих требований влечет штрафы, отказ в дальнейшем финансировании и проч. Для многих предприятий отказ банков в финансировании означает скорое банкротство, а решение о выдаче или невыдаче кредита принимает только банк, и деньги должны идти только на цели, установленные договором с банком. Все это в совокупности говорит о действительной власти банков над производством материальных и нематериальных благ в условиях современной капиталистической экономики. Очевидно также, что крупнейшие промышленные и бизнес-группы оказывают значительное влияние, по крайней мере, на дальнейшее распределение первоначально созданного долга. Так, в своем отчете ЦБ РФ указывает, что в РФ «порядка 35% совокупного долга сектора приходится на 92 крупнейшие компании»⁶. Имеется в виду частный корпоративный сектор. Этот долг, символически выраженный в деньгах, далее распределяется крупнейшими предприятиями по обычной цепочке производственного цикла.

Перечисленные выше факты позволяют с большей уверенностью говорить о действительном существовании монетарного социального порядка как на условном Западе, так и в России, причем в приведенном выше контексте установленный в России порядок следует понимать как производный.

Взаимосвязь денежного и производственного циклов, системная склонность банковских институтов к перепроизводству долгов и последствия такой склонности

При ознакомлении с записью дискуссии на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований в НИУ-ВШЭ 21 мая 2019 г., в которой М.В. Ефимов и С.Г. Кирдина-Чэндлер принимали деятельное участие, складывается впечатление, что многим участникам осталась не до конца понятна связь процесса создания денег с производственным циклом в реальном секторе, а также процесс создания денег частными банками. Рассмотрим максимально упрощенную модель такой связи в рамках одного полного цикла, которая позволит представить, каким образом развивается система при повторных итерациях. Положим, существует только центральный банк (ЦБ) и два частных банка (Б1 и Б2). Также есть две частные компании (К1 и К2). В обоих банках и в обеих компаниях заняты работники, они же потребители. Пока что ничего не произведено: ни товаров, ни денег. Допустим, потребители нуждаются в деревянных стульях. Для этой цели работники

⁶ О возможных макропруденциальных мерах по ограничению долговой нагрузки нефинансовых организаций. www.cbr.ru. www.cbr.ru/Content/Document/File/71241/Consultation_Paper_190410.pdf.

К2 добудут древесину (и единственным расходом К2 будет оплата труда), а работники К1 доведут эту древесину до состояния готового продукта (соответственно, расходы К1 помимо оплаты труда будут включать еще материалы от К1). Мотив извлечения прибыли полностью игнорируется, а проценты по банковским кредитам идут исключительно на оплату труда банковских сотрудников. Процесс производства товаров и денег будет строиться при монетарном социальном порядке следующим образом:

- 1) К1 обращается в Б1 за деньгами для начала производства стульев. Б1 запрашивает у ЦБ 1 000 денежных единиц под 5% и выдает К1 1 000 денежных единиц под 10%;
- 2) К1 выделяет из них 500 д.е. на закупку древесины у К2, а оставшиеся 500 д.е. направляет на заработную плату своих работников, которые размещают эту сумму на своих счетах в Б1;
- 3) Работники К2 добывают древесину, а полученные за нее 500 д.е. расходуются на заработную плату, которую работники К2 размещают на своих счетах в Б2. Древесина поставляется в К1 для дальнейшей обработки;
- 4) Работники К1 из полученной древесины собирают стулья, и К1 размещает их на рынке по цене 1 100 единиц, предполагая 100 д.е. в дальнейшем направить на оплату процентов банку;
- 5) Работники К1 и К2, имея на счетах в Б1 и Б2 по 500 д.е., покупают стулья на сумму 1 000 д.е.;
- 6) К1, имея теперь выручку 1 000 д.е., погашает кредит от Б1 на ту же сумму;
- 7) Б1 возвращает ЦБ исходный долг 1000 д.е.;
- 8) ЦБ выплачивает заработную плату своим работникам в размере 50 д.е. и те покупают стулья на ту же сумму у К1;
- 9) К1 возвращает эти 50 д.е. Б1 в оплату процентов;
- 10) Б1 направляет 50 д.е. на заработную плату своим сотрудникам, которые покупают оставшиеся стулья на ту же сумму у К1;
- 11) К1 полностью гасит проценты Б1 последним платежом 50 д.е. Цикл завершен.

В этой простейшей модели стоит отметить следующие важные моменты:

- производственный цикл начинается в момент создания долга перед банком («выдача» кредита производителю) и завершается его погашением;
- необходимым условием бесперебойной работы цикла является отсутствие сбережений. В противном случае исходный долг не вернется банку и возникнет кризис платежеспособности, а впоследствии платежеспособность так или иначе будет «восстановлена» опять же увеличением кредитования и долга.

В интересном положении после завершения третьего этапа цикла оказывается Б2: получив на свои счета 500 д.е. от работников К2, он сталкивается с дилеммой: ждать, когда работники клиента (К2) обнулят баланс по своим счетам, потратив средства на покупку стульев, или воспользоваться этими средствами. В нашем примере проценты по выданным кредитам банки используют исключительно для оплаты труда своих сотрудников, в реальности же ведущим мотивом является также стремление к максимизации прибыли. В любом случае, Б2 выдаст новый кредит на 500 д.е. и, более того, имеет на это полное право. Проблема заключается в том, что полученные этим банком 500 д.е. есть лишь часть исходного кредита в 1 000 д.е., созданного ЦБ и Б1. Таким образом и происходит создание денег (долга) «из ничего» в частном банковском секторе: исходный долг в 1 000 д.е. спровоцировал создание еще 500 д.е. долга, но уже не исходя из потребностей в реальном производстве и потреблении, а просто из факта своего существования. В аналогичном положении оказывается и ЦБ: во-первых, решение выдавать деньги под проценты уже само по себе продуцирует дополнительную сумму долга, а во-вторых, описанная ситуация с «клонированием» долгов усугубляет дисбаланс. Поэтому банковская система сверху донизу пронизана стимулом долговой экспансии, постоянного увеличения производства долгов.

К чему приводит системная склонность к перепроизводству долговых денег? Поскольку долг растет быстрее реального производства и потребностей, происходят либо банкротства банков и предприятий, следствием которых является дальнейшая концентрация и централизация финансово-промышленного капитала (более крупные игроки присваивают активы мелких и средних), либо постепенное наполнение экономики «плохими долгами» и последующие банкротства. Чрезмерное наполнение экономики деньгами также вызывает инфляцию. Перечисленные явления и их производные при должном масштабе (а масштаб — лишь вопрос времени) часто характеризуют то, что называется финансовым кризисом.

Таким образом, банки не только контролируют производственный цикл во всех отраслях экономики с помощью денег, но и побуждают другие предприятия к постоянному расширению деятельности и экспансии на новые рынки, причем такое расширение продиктовано в высокой степени не реальными потребностями производства и потребления, а врожденной потребностью банков в продуцировании долгов. Логичным следствием такой системы являются финансовые кризисы, которые позволяют списать «плохие долги» и обеспечивают дальнейший процесс концентрации и централизации финансово-промышленного капитала в руках узкой группы лиц, т.к. кризисы всегда приводят к поглощению имущества «банкротов», как правило, из числа мелких и средних предприятий и физических лиц в пользу крупных держателей капитала.

«Суверенные деньги» как альтернатива современной денежной системе: недостатки

Упомянутая выше проблема системной склонности банковских институтов к необоснованному перепроизводству долгов уже хорошо осознается и, судя по высказываниям Мервина Кинга (работавшего в Банке Англии в течение 21 года, из них последние 10 в качестве председателя), которые цитирует В.М. Ефимов, даже оформляется в некую новую политику, которая, возможно, придет на смену нынешней денежной системе.

Исследование компании, члена международной аудиторско-консультационной группы КПМГ, под названием «Денежная эмиссия: альтернативные денежные системы» [KPMG, 2016], дает краткий обзор дискуссий по описанной выше проблематике:

- обсуждение в Конгрессе США в декабре 2010 г. и сентябре 2011 г.;
- обсуждение в парламенте Исландии в октябре 2012 г. и октябре 2015г.;
- обсуждение в парламенте Великобритании в ноябре 2014 г. (первое за последние 170 лет);
- обсуждение в парламенте Швейцарии в декабре 2015 г., проведение референдума;
- обсуждение в парламенте Дании в марте 2016 г..

Параллельно обсуждениям на «высшем уровне», в сфере массовой информации распространялись такие фильмы, как «Дух Времени: Приложение» (Zeitgeist: Addendum, 2008), «Хозяева денег» (The Money Masters), «История золотых дел мастера Фабиана» (Die Geschichte vom Goldschmid Fabian) и другие, подробно и в доступной форме описывающие современную денежную механику и историю ее формирования. Значительно возросли объемы электронной и печатной публицистики по денежной тематике (в РФ ведущим публицистом в этой области является, вероятно, В.Ю. Катасонов).

Практически незамеченным прошло интервью⁷ главы международной группы аудиторско-консалтинговых компаний «ПрайсвотерхаусКуперс» Дэнниса Нэлли российским

⁷ Интервью с Дэннисом М. Нэлли. «Идет переход к бездолговой экономике». www.banki.ru. www.banki.ru/news/interview/?id=1408888.

«Ведомостям» в 2009 г., где он заявил, что «*в основе наблюдаемого сейчас фундаментального сдвига лежит переход к бездолговой экономике. Это касается кредитов, выдаваемых как на потребительские нужды, так и на развитие бизнеса*».

В качестве альтернативы существующему порядку предлагается, прежде всего, та самая концепция «суверенных денег» Йозефа Хубера, описанная В.М. Ефимовым в своих статьях. Она постулирует создание денег коммерческими банками как главную проблему и предлагает лишить их этой возможности, полностью передав право эмиссии центральным банкам, превратив банковскую систему в подобие сети расчетных киосков и «кошельков» для обслуживания производства. В упомянутом исследовании КПМГ также дается краткое сопоставление двух систем.

Главным недостатком предлагаемой Хубером системы, на мой взгляд, является то, что денежная сфера, и без того самая монополизированная из всех, превратится в абсолютную монополию центрального банка. Какие де-libерации позволят подчинить такой центральный банк общественным интересам, особенно учитывая, что вокруг банков уже сложились мощнейшие бизнес-корпорации и они в совокупности с банками составляют то, что мы называем финансово-промышленными группами? Что касается государственного аппарата, то он преимущественно обслуживает интересы финансово-промышленных групп, т.к. доходы государственного бюджета формируются из налогов, а они в свою очередь являются долей произведенного и распределенного финансово-промышленными группами денежного долга. Кстати, по этой причине, при монетарном социальном порядке такое явление, как коррупция, является не какой-то порочной чертой, которую можно устранить и таким образом «улучшить систему», а в некотором смысле органичной или даже основополагающей формой управления экономикой и обществом.

В концепции Хубера, излагаемой Ефимовым, центральный банк станет «четвертой властью», не зависимой ни от государственного аппарата, ни от промышленников, ни от частных банков. Ефимов в ответ на возражения пишет: «*Иногда идею суверенных денег обвиняют в «централизме» и создании денежной монополии. На это Хубер отвечает, что монетарная монополия Центробанка в суверенной монетарной системе действительно будет создана, однако она имеет ту же природу, что и монополия государства в области законодательства, государственного управления, налогообложения, юриспруденции и применения силы. Современные нации не могли бы существовать без этих монополий, и проблемы дисфункций современной монетарной системы, основанной на банковских деньгах, на самом деле лучшее доказательство того, что и в монетарной сфере нужна аналогичная монополия. Нации-государства или сообщества национальных государств не должны передавать свои суверенные прерогативы частным агентствам и делить свою монетарную прерогативу с коммерческими создателями денег*» [Ефимов, 2017]. Итак, выход, по Хуберу — в дополнении абсолютной монополии государства в области законодательства и применения силы абсолютной же монополией центрального банка над производством и управлением деньгами. Есть все основания полагать, что за ними последует формирование абсолютной монополии во всех остальных отраслях и полное слияние их в единую систему управления обществом. Если в такой системе сохранится частная собственность на средства производства и прибыль (а высокопоставленные архитекторы новой системы, такие как Мервин Кинг, вопросы отмены частной собственности и упразднения прибыли не ставят), то получится экономика и общество по модели Третьего Рейха, где было пять отраслевых министерств, подчиненных партии, на каждом производстве был свой фюрер, а цены на все товары и услуги устанавливались директивно из центра, и всё это подкреплялось массивной пропагандой, выгодной финансово-промышленным капиталистам и объединенной с ними нацистской партии. Если же в системе будет установлена государственная собственность на средства производства, а прибыль упразднена, получится социалистическая экономика и общество по типу СССР со всеми характерными

достоинствами и недостатками. По этому поводу Ефимов делает следующую оговорку: *«деньги станут действительно суверенными, только если политика центрального банка будет определяться демократическими процедурами, в которых решающую роль играет общественность, и деятельность центрального банка будет находиться под постоянным общественным контролем. Нынешняя парламентско-президентская система правления этого обеспечить не может. Для реальной суверенности денег народ, то есть прописанный в конституции суверен (верховная власть), и его наиболее активная часть — общественность — должны получить доступ к управлению денежными потоками. Это может быть обеспечено, по моему глубокому убеждению, только при развитой системе делиберативной демократии, которая должна дополнить представительную демократию и стать основой новой финансовой системы»* [Ефимов, 2017]. Развивать делиберативную демократию в условиях тотальной концентрации власти может оказаться совершенно непосильной задачей. К сожалению, развитие демократии по объективным причинам вообще крайне затруднительно, и на этом вопросе хотелось бы далее заострить внимание.

Необходимые условия формирования демократии и пути к ее достижению

Как мог заметить читатель, денежный вопрос обсуждается здесь, в сущности, лишь потому, что является вопросом власти, так как общественные отношения при монетарном социальном порядке формируются и поддерживаются в первую очередь с помощью денег. Споря о том, должны ли быть деньги частными или общественными, контролироваться государством или теми или иными демократическими институтами, исследователи рискуют повторить старую ошибку.

В XIX в. собственность на средства производства была названа ключевым фактором, определяющим вопросы власти в обществе. Предполагалось, что пролетариат, завладев средствами производства, обеспечит подлинную демократию в интересах всего общества. И действительно, колоссальные успехи в области социального обеспечения и уважения прав и достоинства человека, образования и науки были достигнуты благодаря международному рабочему движению и созданию первого в мире социалистического государства — СССР. Однако в конце XX в., несмотря на то, что материальные предпосылки и отношения собственности в СССР наиболее благоприятствовали подлинной демократии, концентрация власти у части партийной номенклатуры позволила практически мгновенно перераспределить собственность в её пользу. Если бы отношения собственности имели то значение, которое им придавалось, если бы широкие слои советской общественности действительно имели возможность участвовать в управлении государством, такой исход был бы, скорее всего, невозможен.

В XXI в. вопрос собственности на средства производства весьма искусно снимается с повестки дня. Так, например, большое распространение получает акционирование собственности компаний среди своих же сотрудников (т.н. ESOP — Employee stock ownership plan). К 100%-ому акционированию прибегают компании с десятками тысяч сотрудников⁸. В Германии, например, действует Акт о совместном управлении (Mitbestimmungsgesetz 1976), который предусматривает включение в Наблюдательный совет предприятий представителей рабочего коллектива (выбираемых самими рабочими), и число их может достигать до 50%. Эта мера не затрагивает отношений собственности, но значительно повышает осведомленность рабочих о делах предприятия, позволяет предупредить возникновение

⁸ The Employee Ownership 100: America's Largest Majority Employee-Owned Companies. www.nceo.org. www.nceo.org/articles/employee-ownership-100.

«острых углов» и корпоративные конфликты, напрямую участвовать в принятии решений по принципиальным вопросам управления предприятием.

Совершенно иные формы отношений власти и собственности можно наблюдать, например, в Аргентине, где рабочие сотен предприятий либо вовсе изгнали собственников, либо так или иначе отстранили их от принятия решений или ограничили их полномочия. Наиболее известными примерами такого рода предприятий являются крупный керамический завод FaSinPat (бывш. Zanon) в богатой провинции Неукен и отель Вауен в самом сердце Буэнос-Айреса. Первый был захвачен рабочими и управляется ими с 2001 г., а второй был захвачен в 2003 г. и управлялся до 2020 г., когда вынужден был закрыться из-за кризиса, вызванного карантинными мерами правительства против распространения вируса COVID-19. Аргентинские примеры убедительно показывают, что можно с успехом коллективно управлять даже крупными предприятиями, формально не владея ими.

Поскольку власть напрямую связана с возможностью принятия решений и управлением, а демократизация означает широкое вовлечение масс в принятие решений относительно организации общественной жизни, в рамках предприятий прямое управление «по-аргентински» является, по-видимому, высшей степенью демократизации, за ним следует «германский» формат совместного управления, и следом идет «американский» формат акционирования собственности.

Что касается денежной сферы, то демократизация в ней достигается, вероятно, не созданием одного единого супербанка, «мегарегулятора», хотя бы к этому нас и побуждал бывший председатель одного из самых могущественных центральных банков мира, лорд Мервин Кинг. Демократизация в денежной сфере достигается широким применением локальных и местных валют и их общественным контролем. Необходимость широкого применения местных валют впервые сформулирована Сильвио Гезеллем в его концепции «свободных денег» [Гезелль, 2015]. Разложение, а не укрепление монополии на деньги, было бы разумным шагом к высвобождению творческих сил огромной массы людей, дало бы шанс более свободно строить общественную жизнь, прежде всего в регионах и малых городах и поселениях. Уже само по себе осознание того, что деньги являются творением человека и человеком же управляются, а не даны свыше как нечто подобное силам природы или божественной эманации, даёт мощный стимул к демократическим переменам и способствует росту заинтересованности в управлении хозяйственной и в целом общественной жизнью. В мире растёт число местных и региональных валют, выпуском которых управляют более или менее небольшие сообщества людей в интересах развития местной экономики. Таких валют уже несколько тысяч. Например, есть региональная валюта в германской Баварии под названием «химгауэр», которую запустили в оборот местные школьники. В американском городе Итака в пригороде Нью-Йорка обращается местная валюта «итакский час», измеряемая часом труда человека любой профессии и квалификации. В РФ предпринимались попытки введения местных валют в деревнях Колионово и Шаймуратово, но власти в таких явлениях усмотрели нарушение законодательства и угрозу государству, при этом население этих деревень составляло в то время не более тысячи жителей, а теперь и того меньше.

Главное препятствие на пути к демократизации

Даже упразднения монополии на деньги — что само по себе уже задача колоссального масштаба — недостаточно, поскольку имеются недостатки в самих функциях денег. Экономисты, которые глубоко понимали природу денег, прежде всего Сильвио Гезелль, указывали, что функции денег как средства обмена и средства накопления фундаментально противоречат друг другу, выполнение этих двух функций равносильно одновременному

нажатию педалей газа и тормоза, и если не ограничить определенными механизмами возможность накопления денег, они будут всегда иметь приоритет перед товаром, который обязательно нужно сбыть, где-то хранить, который может испортиться и так далее. В рассмотренном ранее примере денежного и производственного циклов отмечалось, что в случае формирования сбережений неизбежно возникновение кризиса платежеспособности, который приведет ко все более интенсивному наращиванию долгов и банкротствам. Поэтому с 2012 г. многие центральные банки развитых стран практикуют введение отрицательных процентных ставок, что позволяет изымать сбережения населения и корпоративного сектора для покрытия банковских долгов. Так, например, к концу 2019 г. в Германии отрицательные ставки применялись в отношении 60% депозитов корпоративного сектора и 20% депозитов физических лиц⁹. Эта мера способна лишь временно стабилизировать систему, т.к. ключевая проблема перепроизводства долгов в современной монетарной системе не решена.

Таким образом, несовершенство денег заключается не только в их долговой природе, но и в конфликте их функций: накопление денег блокирует обменные процессы и провоцирует кризисные явления. Поэтому деньги в своей нынешней форме — инструмент, далёкий от совершенства, и простое копирование существующей денежной модели на местном уровне может привести, в конечном счете к тому же «разбитому корыту».

Кроме того, стоит всё же найти стабильный и понятный эквивалент стоимости, хотя бы для облегчения обмена. Таким эквивалентом уже не могут являться традиционные валюты. Они подвержены спекуляции со стороны властных финансово-промышленных групп. Даже если максимально ограничить спекуляции или вовсе упразднить монополию на деньги, принципы ценообразования и эмиссии денег останутся в высокой степени непрозрачными и непонятными большинству. Эквивалентом стоимости не может являться также золото или драгоценные металлы по тем же причинам, а также ввиду их товарной природы.

Понятный и прозрачный эквивалент стоимости предложил германский ученый Арно Петерс. В своем эссе по истории и, в частности, по истории экономических учений [Peters, 1996] он пришел к выводу, что денежные цены не выражают стоимость, не отражают труда по созданию благ, и предложил считать единицей измерения стоимости просто час труда вне зависимости от его сложности, уровня квалификации, профессии и т.п. Тем самым Петерс завершил трудовую теорию стоимости. Предложение Петерса имеет как рациональные, так и глубоко этические основания, но к такому шагу пока, по-видимому, ни одно современное общество, тем более функционирующее в рамках монетарного социального порядка, не готово. Хотя, как уже упоминалось ранее, реально используемая в американском городе Итака местная валюта под названием «итакский час» воплощает именно эту идею.

Наиболее серьёзным препятствием на пути к демократизации является, как ни странно, разделение труда в его современном виде. Глубокое разделение труда, без которого невозможно массовое производство, даёт относительное изобилие материальных и нематериальных благ. Относительное, прежде всего, в сравнении с историческими данными об уровне жизни широких слоев населения. Однако такое изобилие подразумевает, что человек, способный регулярно решать (хотя бы потенциально) сотни разнообразных задач различной сложности, ежедневно в среднем по восемь-двенадцать часов в день выполняет крайне ограниченный набор операций. И это касается не только материального производства, но и сферы услуг.

⁹ Most German banks are imposing negative rates on corporate clients. Financial times. www.ft.com/content/74573de6-0a15-11ea-bb52-34.

Один лишь этот факт влечет катастрофические последствия для человеческой личности. Тематика профессиональных деформаций и деструкций и их влияние на общественное бытие все еще не вполне изучена [Дружилов, 2013]. В то же время классики политэкономии писали, что способности большинства людей складываются в строгом соответствии с их ежедневными занятиями. И если эти занятия всегда одни и те же или почти одни и те же, то человек *«становится настолько невежественным и тупым, насколько это вообще возможно»* [Смит, 2007]. Таким образом, рост объемов и скорости производства экономических благ сопровождается, вследствие углубления разделения труда, стремительной духовной и физической деградацией основной массы общества.

Поэтому перспективы реальной, а не фиктивной демократизации экономики и общества крайне сомнительны, пока сохраняется глубокое разделение труда в его современной форме. Основная масса населения будет в таких условиях разобщенной (повседневная практика работников разных профессий практически не пересекается, а значит способность к взаимопониманию и кооперации затруднена) и манипулируемой, с подавленной волей и неспособной к какой-либо серьезной инициативе, даже бытовой, не то что политической. Подлинно гражданское общество не родится в описанных условиях.

Поэтому новые демократические общественные отношения возможны только при условии значительного или полного разложения вообще всего современного способа производства в самом его корне — в области глубокого разделения труда и его высокопроизводительной эксплуатации. И упразднение банковской монополии на деньги может послужить главным толчком для такой фундаментальной реформы (революции?).

Заключение

Затяжной мировой экономический кризис, продолжающийся с 2008 г., на этот раз привлёк пристальное внимание практиков к «денежному вопросу»: мы видим обсуждения в парламентах, обширную публицистику, исследования частных компаний и представителей науки, затрагивающие вопрос самой природы денег. Возможно, такого всплеска интереса к проблеме ранее не наблюдалось в истории.

Вероятно, новая форма власти будет сконструирована в ближайшие годы, и та же концепция «суверенных денег» Йозефа Хубера имеет шансы на воплощение, так как действительно рассматривается в качестве альтернативного варианта представителями элит. Однако следует помнить, что деньги при монетарном социальном порядке — основной инструмент власти, но всё же — инструмент. И в конечном счёте дискуссии, начинающиеся с попыток понять природу денег, редко идут дальше вопроса «кому должен принадлежать центральный банк?». Это очень похоже на проблему собственности на средства производства, которая считалась ключевой в борьбе за власть в прошлые века и, как оказалось, действительно крайне важна, но все же несколько переоценена.

Поэтому вопрос денег можно свести к вопросу власти, а власть — это прежде всего возможность принимать решения и управлять общественными процессами. Если учёный, исходя из гуманистических соображений, требует демократизации, т.е. вовлечения всё более широких масс и слоев населения в процессы принятия решений и управления общественной жизнью, то в условиях монетарного социального порядка его задачей будет выявление способов демократизации денежной сферы. Последнее представляется затруднительным при создании центробанка с абсолютной монополией на деньги (что предлагают Й. Хубер и М. Кинг).

Даже в случае некоторых успехов в обозначенной области, фундаментального сдвига в отношениях власти в обществе ожидать не приходится. Сама форма современного производства (созданная во многом на базе денежной монополии), основанного на глубоком

разделении наемного труда в рамках крупных производственных структур с вертикальным управлением военного типа, закрепощает творческие способности и инициативу миллионов людей. Ежедневное существование в такой системе на протяжении многих лет обуславливает деградацию воли, умственных и физических способностей людей, делая их уязвимыми и податливыми к манипуляциям.

С другой стороны, экономисту сейчас, как и прежде, удобно занимать выжидательную позицию и просто бесстрастно описывать, и интерпретировать явления по мере их возникновения и развития, в полном соответствии с той ролью, которая ему отводится в существующей системе власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Ефимов В.М. (2018). О двух типах социальных порядков. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–25.
- Ефимов В.М. (2017). Конец алхимии финансов и суверенные деньги // Вопросы экономики. № 12. С. 131–141.
- Дружилов С. А. (2013). Профессиональные деформации и деструкции. Феноменология и подходы к изучению // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 12. С. 137–140.
- Гезель С. (2015). Естественный экономический порядок. Серпухов: Концептуал.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019). О деньгах и социальных порядках (размышления над статьей В.М. Ефимова) // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 32–42.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.
- Peters A. (1996). Das Äquivalenz-Prinzip als Grundlage der Globalökonomie. Vaduz: Akademische Verlagsanstalt.
- James B Glattfelder. (2019). The Architecture of Power: Patterns of Disruption and Stability in the Global Ownership Network. SSRN Electronic Journal. www.researchgate.net/publication/330414714_The_Architecture_of_Power_Patterns_of_Disruption_and_Stability_in_the_Global_Ownership_Network (дата обращения 1.02.2021).
- KPMG. (2016). Money Issuance. Alternative Monetary Systems. KPMG. assets.kpmg/content/dam/kpmg/is/pdf/2016/09/KPMG-MoneyIssuance-2016.pdf (дата обращения 1.02.2021).

Качковский Сергей Сергеевич

skachkovski@mail.ru

Sergey Kachkovskiy

Chief internal control specialist in Moscow Metro State Unitary Enterprise (Moscow)

skachkovski@mail.ru

MONEY, POWER AND DEMOCRATIZATION (CONTINUING THE DISCUSSION ON THE SOCIAL ORDERS OF V.M. YEFIMOV AND S.G. KIRDINA-CHANDLER)

Abstract. This work owes much of its existence to the discussion between S.G. Kirdina-Chandler and V.M. Yefimov, which was reflected on the pages of the journal in 2018-2020. The article proposes clarifications and explanations to the concept of a monetary social order proposed by V.M. Yefimov, allowing us to speak with greater confidence about the real existence of such an order, as well as to abandon the additional concept of a patronal social order, which he used in relation to post-Soviet Russia, in order to simplify further discussion and better focus on the object of research. Further, in order to fill the theoretical gap in understanding the mechanics of the reproduction of money and goods in the economy under a monetary social order, a simplified model of the reproduction cycle is presented, which allows us to trace the source of the system's propensity to overproduction of debt and other important systemic shortcomings that provoke regular crisis phenomena. The concept of "sovereign money" by J. Huber, alternative to the monetary social order, proposed by V.M. Yefimov, who is really considered as such already at the government level in the leading European countries, allows theoretically eliminating some of the vices of the modern monetary system, but has significant drawbacks, mainly due to its focus on money management, and not on the issue of power and social development generally. For everyone interested in the normative theory, a different vision of alternative ways of developing the monetary sphere and social relations is proposed, as well as key problems, the solution of which can contribute to real, and not fictitious, democratization of society.

Key words: *monetary social order, sovereign money, free money, power, division of labor.*

JEL Classification: A12, A13, B40, B59, D63, O15.

REFERENCES

- Druzhilov S.A.* (2013). Professionalnyye deformatsii i destruktivnyye. Fenomenologiya i podkhody k izucheniyu [Professional deformations and destructions. Phenomenology and approaches to study] // *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*. № 12. Pp. 137–140.
- Gesell S.* (2015). Yestestvennyi ekonomicheskiy poriyadok [Natural economic order]. Serpukhov: Kontseptual.
- Glattfelder J.B., Battiston S.* The Architecture of Power: Patterns of Disruption and Stability in the Global Ownership Network // SSRN Electronic Journal. www.researchgate.net/publication/330414714_The_Architecture_of_Power_Patterns_of_Disruption_and_Stability_in_the_Global_Ownership_Network (date of the application 1.02.2021).
- Kirdina-Chandler S.G.* (2019). O dengakh i sotsialnykh poriyadkakh (razmyshleniya nad statiyoi V.M. Yefimova) [On money and social orders (thoughts on the article by V.M. Yefimov)] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 2. Pp. 32–42.
- KPMG. (2016). Money Issuance. Alternative Monetary Systems. assets.kpmg/content/dam/kpmg/is/pdf/2016/09/KPMG-MoneyIssuance-2016.pdf (date of the application 1.02.2021).
- Peters A.* (1996). *Das Äquivalenz-Prinzip als Grundlage der Globalökonomie* [Equivalence principle as a foundation of the global economy]. Vaduz: Akademische Verlagsanstalt.
- Smith A.* (2007). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations] / M.: EKSMO.
- Yefimov V.M.* (2017). Konets alkhimii finansov i suverennyye dengi [The end of the alchemy of finance and sovereign money] // *Voprosy Ekonomiki*. № 12. Pp. 131–141.
- Yefimov V.M.* (2018). O dvukh tipakh sotsialnogo poriyadka [On two types of social orders]. Part I // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. № 1. Pp. 7–25.